

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ И ЗАКОНЫ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о создании единой системы описания различных типов неклассической войны. Впервые выявлен фундаментальный механизм возникновения синергетического эффекта от воздействия неинтервенционных элементов насильственного контроля, лежащий в основе неклассических войн. Сформулированы три закона подобных противостояний. Исследована внестолничная разновидность «цветной» революции в Гонконге, используемая совместно с технологией торговой войны, активированной администрацией Д. Трампа против Китая. Предложено создание исследовательско-экспериментальной базы в составе центра мониторинга и раннего предупреждения информационных угроз, исследовательско-испытательного полигона по изучению технологий информационных войн в лабораторных условиях и ситуационного центра, способного выявлять и обрабатывать угрозы, связанные с торговыми войнами.

Ключевые слова: неклассическая война, неинтервенционные элементы, торговая война, гибридная война, информационная война, «цветные» революции, сетевые группы, синергетический эффект, стратегическое мышление.

THE FUNDAMENTAL MECHANISM AND LAWS OF NON-CLASSICAL WAR

Abstract. The article considers the question of creating a single system for describing various types of non-classical war. For the first time, the emergence of the fundamental mechanism of a synergistic effect from the influence of non-interventional elements of violent control which underlies non-classical wars has been identified. Three laws of non-classical wars are formulated. The non-metropolitan form of the color revolution in Hong Kong used in conjunction with the technology of the trade war activated by the administration of D. Trump against China is researched. The creation of a research and experimental base as part of the Center for monitoring and early warning of information threats, a research and testing ground for the study of information warfare technologies in the laboratory, and a Situational Center capable of identifying and processing threats associated with trade wars is proposed.

Keywords: non-classical war, non-interventional elements, trade war, hybrid war, information war, color revolutions, network groups, synergistic effect, strategic thinking.

СТРИГУНОВ Константин Сергеевич — внештатный корреспондент делового аналитического издания «Эксперт», г. Москва

МАНОЙЛО Андрей Викторович — доктор политических наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Революция последних десятилетий в концепциях и технологиях агрессии на международной арене привела к тому, что целый ряд стран мира столкнулся с угрозами нового типа, противодействовать которым удастся далеко не всем. Речь идет о явлениях, известных в научном сообществе, политической среде и СМИ, прежде всего, как «цветные» революции и гибридные войны. Кроме того, регулярно используются и другие термины, в частности, «управляемый хаос», «сетевые войны», «организационное оружие» и т.д. Вследствие специфики данных феноменов они зачастую обозначаются одним и тем же термином или же, напротив, разными терминами описывается одно и то же явление. Неоднозначность в интерпретации воздействия новых форм агрессии на объект-мишень, оперирование терминами в рамках устаревших парадигм и, как следствие, сильнейшая терминологическая путаница дезориентируют экспертное сообщество, не говоря уже про политических обозревателей и комментаторов, не занимающихся профессионально этим вопросом. Целый ряд отечественных авторов (например, [1, 2, 3]) рассматривает «мягкую силу», «цветные» революции и гибридные войны иначе, чем зарубежные специалисты¹ (кроме того, см. [4, 5, 6]). В большинстве случаев иностранные, как правило, западные, исследователи по политико-идеологическим причинам представляют «цветные» революции как едва ли не настоящие восстания народных масс против «тиранических режимов», а термин «гибридные войны» так и вовсе применяется к действиям России и негосударственных акторов на международной арене, но не к США и их союзникам. Как следствие, разночтения носят не только научный характер, связанный с различными подходами и методологией при анализе обсуждаемых явлений, но и в существенной степени обусловлены принципиальными различиями в политических взглядах и мировоззрении аналитиков. Такие расхождения между отечественными и иностранными экспертами часто непреодолимы. Однако сказанное не означает, что нет возможности преодолеть разночтения внутри экспертного сообщества России; в этом есть острая надобность, поскольку отсутствие согласованности ведет к неверной интерпретации этих явлений. Более того, как выяснилось, само формулирование необходимости создания единой системы описания «цветных» революций, гибридных войн и т.п. сопряжено с определенного рода сложностью, обусловленной отсутствием общепринятого понятийного аппарата.

В силу указанных причин на сегодняшний день назрела задача преодоления терминологической разрозненности и создания единой системы координат, в которой и следует работать при изучении современных типов агрессии. При комплексном подходе в их анализе можно прийти к заключению о том, что данные формы агрессии, обозначаемые устоявшимся множеством терминов, не говоря уже о новых, бессистемно добавляемых к уже

---

¹ McCulloch T. and Richard J. Hybrid Warfare. 2013. Joint Special Operations University Report 13-4.

существующим, представляют собой не только разновидности современных конфликтов (войн), технологий или доктрин; они — части намного более сложной системы воздействий на международные процессы и их акторов. Следовательно, создание системы описания способствует верным выводам, а значит, и эффективным мерам противодействия новым угрозам, прежде всего, со стороны России.

В качестве примера применения новейших технологий неклассической войны в статье затронута торговая война между США и Китаем, которая ведется во многом «на ощупь». Никогда еще в истории этих стран финансово-экономическое противостояние не носило столь ожесточенный характер: это — прецедент, возникший впервые именно в нынешней политической реальности. В этой войне США, в основном, нападают, а Китай, в основном, защищается; ни у одной из стран нет опыта ведения подобного рода войн, нет «домашних заготовок», клише, проверенных практикой приемов, гарантирующих результат. Обе стороны ведут торговую войну, подбирая способы воздействия на оппонента методом проб и ошибок. Именно поэтому в действиях американской и китайской сторон на тактическом уровне много импровизации и чисто ситуационного реагирования. Но это вовсе не означает, что в данной войне у США нет стратегии — стратегия у Д. Трампа есть, и она довольно простая: удушение Китая путем выравнивания (за счет непрерывного роста пошлин) внешнеторгового баланса США-КНР и в перспективе сведение дефицита внешнеторгового баланса с ним к нулю. В рамках подобной стратегии Д. Трамп действует очень жестко, логично и предсказуемо, шаг за шагом «давливая» Китай, все еще надеющийся на заключение с США «сделки» на принципах равноправного партнерства. Однако торговая война идет не сама по себе, а в увязке с целым набором средств воздействия по самым разным направлениям — от подрыва инициативы «Один пояс, один путь» до применения технологии внестоличной «цветной» революции в Гонконге. Они образуют единую систему воздействия на Китай, столь разрушительную по своему характеру, что ее можно считать разновидностью оружия массового поражения неклассического типа.

Наконец, информационные операции, осуществляемые против России ее геополитическими противниками, требуют скорейшего создания адекватных структур и подготовки кадров для отражения таких современных типов неклассических противостояний, как гибридные и торговые войны, а также информационные операции.

* * *

Прежде чем непосредственно перейти к анализу проблемы, во избежание недопонимания определимся с основными терминами, которые будут использоваться в дальнейшем. Под *объектом-мишенью* имеется в виду, как правило, государство, над которым агрессор пытается получить насильственный контроль. При этом *война* — это акт насилия, цель которого

состоит в том, чтобы заставить противника выполнить волю агрессора [7]. Следовательно, речь идет об установлении насильственного контроля над объектом-мишенью. Под *прямой интервенцией* — понимается классическая война, где регулярные войска, т.е. вооруженные силы (ВС) агрессора, используются как главный инструмент в осуществлении насильственного контроля над объектом-мишенью, а все остальные средства — *неинтервенционные элементы насильственного контроля* — играют второстепенную роль. Поясним на примере. Начальник Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации В. Герасимов привел оценку² соотношения военных и невоенных мер при разрешении современных межгосударственных конфликтов как четыре к одному. Под «военными мерами» он понимает то, что авторы настоящей статьи называют прямой интервенцией. Под тем, что обозначается В. Герасимовым как «невоенные меры», следует понимать меры военные, но непрямые (неинтервенционные), т.е. без использования актором вооруженных сил в масштабной интервенции как главного инструмента в достижении насильственного контроля. Далее в статье они обозначаются как «неинтервенционные элементы насильственного контроля». *Неклассическая война* или *неинтервенционная война* — осуществление насильственного контроля над объектом-мишенью без полномасштабного применения прямой военной силы агрессором, результат которого сопоставим с результатом от прямой интервенции.

Кроме того, мы ввели термин «*неинтервенционные элементы насильственного контроля (войны)*» — составляющие насильственного контроля, не относящиеся к применению собственно вооруженных сил. К ним относятся: информационно-психологические операции (информационная война, включая фейковые новости), экономическое давление, санкции, «торговые войны», финансовые атаки, политико-дипломатическое агрессивное воздействие, применение сетевых групп, подрывная работа спецслужб, массовое использование некоммерческих и неправительственных организаций (НКО, НПО), работающих в интересах агрессора, и т.п. Если в прямой интервенции они выполняли второстепенную роль, то в неклассической войне их роль доминирующая.

Информационная война — вооруженный конфликт, в котором столкновение сторон происходит в форме операций с применением информационного оружия. Структурно современная информационная война состоит из последовательности операций, объединенных единым замыслом и согласованных по целям, задачам, формам и методам информационного воздействия. Информационная война является одним из неинтервенционных элементов насильственного контроля, который может применяться как в увязке с другими неинтервенционными элементами, так

---

² Герасимов В.В. Ценность науки в предвидении. [Электронный ресурс] // Военно-промышленный курьер. 2013. 26 февраля. URL: <https://www.vpk-news.ru/articles/14632> (дата обращения: 28.04.2019).

и независимо от них. Другим важным элементом насильственного контроля являются *сетевые группы* — молодежные протестные движения или иррегулярные военизированные формирования, используемые в качестве основного инструмента демонтажа политического режима/государства в неклассической войне.

Под «цветными» революциями мы понимаем технологии осуществления государственных переворотов и внешнего управления политической ситуацией в стране в условиях искусственно созданной нестабильности, в которых давление на власть осуществляется в форме политического шантажа с использованием в качестве инструмента шантажа молодежного протестного движения. Это одна из разновидностей неклассической войны.

Кроме того, дадим определение такому понятию как *синергия*. Синергия — это превышение результата деятельности системы над арифметической суммой результатов элементов системы, действующих по отдельности. В заключение отметим, что понятие «*терроризм*» нами трактуется в соответствии с Уголовным Кодексом Российской Федерации (УК РФ)³, «*международный терроризм*» — в соответствии с определением [8], а «*государственный терроризм*» — в соответствии с Женевской декларацией о терроризме от 1987 года⁴.

Под *технологией* мы понимаем систему операций и процедур, выполняемых управляющим контуром в определенной последовательности с использованием необходимых для этого методов и технических средств. Наконец, *оружие* — это совокупность технических средств, способов, методов и технологий, предназначенных для получения насильственного контроля над объектом-мишенью в интересах актора, который его применяет. Таким образом, данное определение и понимание термина «оружие» имеет более широкий смысл, чем определение в УК РФ⁵.

* * *

Новый тип угроз возник в условиях глобализации и усложнения международных процессов, роста их взаимосвязанности в политической, экономической, финансовой, информационной, технологической, производственной и иных сферах. Взаимозависимость достигла такой степени, что кризис в одной части света приводил к негативным последствиям в другой, а сама интеграция дала новые возможности для реализации своих интересов теми или иными акторами. Особенно это касается стран, являющихся ядром ка-

³ Статья 205 УК РФ. Террористический акт. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/43942021d9206af7a0c78b6f65ba3665db940264/ (дата обращения: 28.04.2019).

⁴ UN General Assembly Doc. A/42/307 [online]. The Geneva Declaration on Terrorism. 1987. 29 May. URL: <http://www.i-p-o.org/GDT.HTM> (дата обращения: 29.04.2019).

⁵ Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии». Статья 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/10128024/paragraph/57869:1> (дата обращения: 29.04.2019).

питалистической системы, на базе которой и проходит глобализация. После распада СССР данный процесс достиг планетарного масштаба: наиболее развитые капиталистические страны получили серьезное преимущество над его периферией и полупериферией. Соответственно, для решения различных задач, которые ранее были неразрешимы без прямой военно-силовой интервенции, потребовались новые подходы, поскольку в условиях сильной взаимосвязанности риски от прямой интервенции часто неприемлемо возрастали.

Другим ограничителем на прямую военную агрессию являлось наличие у ряда ключевых стран-антагонистов оружия массового поражения (ОМП), включая ядерное оружие (ЯО), термоядерное оружие (ТЯО), боевые отравляющие вещества (БОВ) и т.д., массированное применение которых могло привести к омнициду, то есть к тотальному уничтожению всего живого. Следовательно, выстроенный в рамках гарантированного взаимоуничтожения стратегический баланс сил был еще одним типом сдерживания и препятствовал прямой интервенции. Во времена «холодной» войны даже опосредованный конфликт в странах т.н. «третьего мира» при определенных условиях грозил перейти в прямую масштабную войну между сверхдержавами.

Еще одним фактором можно считать удорожание вооружения и содержания военнослужащих. На текущий момент стоимость самих вооружений и их обслуживания часто существенно дороже отработанных с их помощью целей. Например, стоимость каждой из закупленных ВМС США в конце 2017 года крылатых ракет «Tomahawk» составила 1,32 млн долларов (здесь и далее затраты обозначаются в долларах США). Всего было выделено 260 млн долларов за 196 единиц ракет⁶. Таким образом, стоимость одного залпа из 59 ракет «Tomahawk» по сирийским объектам после бездоказательных обвинений Дамаска в использовании БОВ в апреле 2018 года составила 77,9 млн долларов. Согласно данным министерства обороны США по состоянию на 30 июня 2017 года т.н. кинетические операции против ИГИЛ (организации, запрещенной на территории Российской Федерации), начиная с 8 августа 2014 года, обошлись в 14,3 млрд долларов. Среднесуточная стоимость операции при общей длительности в 1058 дней составила 13,5 млн долларов⁷.

При этом по отдельным оценкам только в 2017 году число погибших мирных жителей в результате авиаударов превысило шесть тысяч человек. Другой пример — использованная в Афганистане бомба GBU-43/B MOAB (тяжелый боеприпас фугасного действия) против игиловцев⁸. Это одна из

---

⁶ Fergus K. US Navy to procure 196 Tomahawk cruise missiles from Raytheon for \$260 million. The Defense Post. [online]. 2017. November 3. URL: <https://thedefensepost.com/2017/11/03/tomahawk-cruise-missiles-us-navy-raytheon/> (дата обращения: 29.04.2019).

⁷ U.S. Department of Defense. Operation Inherent Resolve. Cost of Operations, 2017. [online]. 30 June. URL: <https://dod.defense.gov/OIR/> (дата обращения: 29.04.2019).

⁸ ИГИЛ, ИГ («Исламское государство Ирака и Леванта» или «Исламское государство») — организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

самых мощных неядерных бомб в мире, стоимостью в 16 млн долларов за единицу⁹. Во всех случаях эффективность применения авиации и боезарядов особой мощности довольно сомнительна, так как целями выступали формирования иррегулярного типа, неспособные сбить летательные аппараты противника. В Сирии квазигосударство игиловцев удалось уничтожить совместными усилиями сразу нескольких коалиций, а одну из главных ролей в этом, наряду с российскими Воздушно-космическими силами России (ВКС), играли наземные проиранские «прокси»-силы, Сирийской арабской армии (САА), подразделения, подготовленные российскими Силами специальных операций (ССО), и курды. В Афганистане запрещенные на территории Российской Федерации «Исламское государство» и «Талибан» не только не разгромлены, но и за последние годы увеличили свое влияние.

Другой пример — программы создания самолетов F-22 и F-35, стоимость которых превышала ВВП некоторых стран, а целей, достойных их применения, так и не было найдено. Таким образом, в современных войнах использование высокотехнологичных вооружений и военной техники (ВиВТ) часто дает низкое соотношение по критерию «эффективность/затраты».

В результате, к концу XX — началу XXI века сложилась ситуация, когда технологически развитый актор в ходе развязывания агрессии рисковал получить ответный неприемлемый урон от достаточно развитого противника, также обладавшего современным оружием огромной разрушительной силы. С другой стороны, применение с низким коэффициентом полезного действия ультрасовременных ВиВТ против технологически менее продвинутого противника вызывало сомнения в целесообразности такого подхода. Оставляя в стороне вопрос об узковедомственных интересах в лоббировании разработок и производства новых дорогостоящих вооружений, заметим, что риски, связанные с неприемлемым ответным уроном и сомнительной экономической обоснованностью применения новых типов вооружения, стали серьезным ограничителем на прямую интервенцию. Если к ней и прибегали, то в весьма ограниченном формате для минимизации рисков и издержек.

Вышеозначенные причины показывают, что к последней четверти XX века у потенциального агрессора резко сократились возможности для прямой военной интервенции, что, впрочем, не отменяло его геополитические, экономические и прочие интересы. Возникла парадоксальная ситуация, которая могла быть разрешена только одним способом — через достижение результата, сопоставимого с результатом от интервенции, но без использования прямой военной силы. Выход был найден, однако для этого потребовалось кардинально пересмотреть взгляды на вопросы национальной стратегии и управления.

⁹ Beaumont P. Moab attack on Isis was a baffling choice in cold-blooded terms of cost. The Guardian. [online]. 2017. 14 April. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2017/apr/14/moab-attack-isis-baffling-choice-cold-blooded-terms-cost-afghanistan> (дата обращения: 30.04.2019).

* * *

Пути к новым подходам насильственного контроля шли параллельно друг другу и только в 70-80-х годов прошлого столетия они пересеклись. К ним относились создание соответствующей теоретической базы и практические наработки, но конкретного момента их интеграции, по всей видимости, нельзя выделить. Отметим лишь, что различные составляющие постепенно стали рассматриваться как часть одной системы взглядов, методов и технологий, конечная цель которых заключалась в теоретическом обосновании и практическом применении новых подходов в деле достижения насильственного контроля над объектом-мишенью международных отношений без применения прямой интервенции. Одним из важнейших этапов здесь можно выделить кардинальный пересмотр стратегического мышления в США — стране, чье руководство впервые перешло от классических подходов к принципиально новым (отчасти объяснение этому можно найти в книге З. Бжезинского «Великая шахматная доска» [9], где он отметил, что американское доминирование после 1991 года представляло собой «обширную и сложную систему, не являвшуюся иерархической пирамидой»¹⁰). Его суть впервые в публичном пространстве сформулировал сотрудник Госдепартамента Стивен Манн в нашедшей статье «Теория хаоса и стратегическое мышление» [10]. По его утверждению, возникла необходимость перейти от старых, линейно-детерминированных парадигм к новым, базирующимся на теории хаоса парадигмам. В соответствии с мнением американского специалиста под «хаосом» имелась в виду нелинейная динамика или «динамический хаос», в основе которого лежит принцип самоорганизующейся критичности (СОК) [11]. Смысл данного принципа в том, что международная среда рассматривается как пример нелинейной динамической (хаотической) системы, где ее акторы (по сути, ее подсистемы) взаимодействуют между собой, достигая лишь временных критических состояний, когда даже небольшое событие способно запустить цепную реакцию других событий вплоть до явлений катастрофических масштабов. Старые взгляды, по мнению С. Манна, механицистские и линейные, неадекватны для описания международных процессов. Линейная парадигма закрепились в эпоху биполярного мироустройства, когда в течение многих лет существовал баланс сил и сложилась иллюзия стабильности. Переход к использованию теории хаоса позволил радикально изменить взгляд на геостратегию.

---

¹⁰ «Напротив, — далее пишет З. Бжезинский, — Америка стоит в центре взаимозависимой вселенной, такой, в которой власть осуществляется через постоянное маневрирование, диалог, диффузию и стремление к формальному консенсусу, хотя эта власть происходит, в конце концов, из единого источника, а именно: Вашингтон, округ Колумбия». Прогнозы геостратега оказались во многом ошибочны, но суть неиерархической формы американского гегемонизма в первые 10–15 лет после распада СССР он подметил верно. Не исключено, что квазисетевой характер завершающегося периода Pax Americana лежал в основе сдвига в стратегическом мышлении и пересмотра устоявшихся взглядов на мировые процессы.

В рамках новой парадигмы совершенно по-новому смотрится все взаимодействие на международной арене, но в данной статье мы затронем только его важнейшую составляющую — насильственный контроль. Примечательно, что в своей работе С. Манн предположил, что боевые действия выпадают из теории хаоса, так как в них принимает участие ограниченное число акторов, а в вооруженных силах доминирует иерархия и линейность в применении. Однако на момент публикации статьи (1992 г.) С. Манн в полной мере не мог знать о возможностях, которые открыли информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) в последующие 10–15 лет. Именно благодаря экспоненциальному увеличению объема информации, передаваемому в единицу времени, удалось совершить громадный шаг вперед, а сама революция в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) шла параллельно с поиском способов обойти существовавшие ограничения.

Без интервенции основную роль неизбежно должны были играть неинтервенционные элементы насильственного контроля. Разумеется, они применялись и ранее, поэтому возникает вопрос: в чем отличие? Полагаем, что ответ состоит в следующем: если ранее свергнуть тот или иной строй получалось в ходе прямой интервенции, то достигнуть того же результата без интервенции можно было только за счет кардинального роста эффективности от использования всех неинтервенционных элементов насильственного контроля. Помимо теории хаоса и революции в ИКТ важнейшую роль в этом сыграли разработки в области организационного поведения, а также сетевые технологии. Эта интеграция неслучайна.

«Сетевизация» позволила контролировать децентрализованные составляющие в неинтервенционных элементах насильственного контроля (особенно, в сетевых группах), увеличить точность воздействия на них вплоть до индивидуума, тем самым обеспечить большую управляемость процессом и радикально повысить точность желаемого результата. При этом, если для проведения экономического давления не требуется радикального повышения его согласованности с другими неинтервенционными элементами насильственного контроля, достаточно дозированно усиливать его по мере нарастания нужного эффекта, то, когда дело касалось давления сетевых групп (при том, что сам агрессор участвует в этом процессе опосредованно), без сетевой организации уже нельзя было обойтись. Тогда при помощи ИКТ была достигнута большая скорость и емкость при передаче информации, за счет этого взаимосвязь пространственно-разрозненных сетевых групп резко возросла.

Фактически субъекту управления (стратегическому центру) удалось радикально повысить число управляющих команд на управляемый объект (сетевые группы, т.е. главную составляющую в неклассической войне), без которых последний увеличил бы разнообразие своих состояний до неприемлемого значения, а, следовательно, потерял управляемость. В результате управление сложной динамической системой в виде сетевых группа перестало

бы соответствовать ключевому закону кибернетики — закону необходимого разнообразия.

Отсюда следует важнейший вывод: до применения подхода на основе теории хаоса вместе с использованием ИКТ и сетевой формы организации управления нельзя было добиться сопоставимого с интервенцией результата. Отсутствие теоретической базы (рассмотрения пространства международных процессов как операционной среды в виде сложной нелинейной динамической системы) и средств ее практического воплощения (ИКТ, сетевая организация, манипуляция массами) исключало оказание такого воздействия на среду при помощи неинтервенционных элементов насильственного контроля, которое было бы сопоставимо по результату с прямой интервенцией.

Остановимся подробнее на этом ключевом моменте. Среда, рассматриваемая как нелинейная динамическая система, требует адекватной парадигмы (отвечает на вопросы: почему среду следует рассматривать именно таким образом и чего этим можно добиться) и соответствующего инструментария (отвечает на вопрос о том, как этого добиться). В линейном подходе среда требует существенно меньшего количества управляющих команд, а для ее преобразования (в нашем случае — для осуществления насильственного контроля над объектом-мишенью) используется прямая интервенция на основе платформ [12].

Линейно-платформенный подход применим к прямой военной агрессии, но не пригоден при агрессии, где основная ставка сделана на неинтервенционные элементы. Чтобы они по своей эффективности сравнились с прямой интервенцией, требовалось следующее. Так как агрессор не использовал свои ВС, то их роль должны выполнять неинтервенционные элементы насильственного контроля, в особенности сетевые группы, действующие в его интересах, хотя и часто не осознавая этого. Однако управление над ними не может осуществляться по линейной модели, по аналогии с ВС, где имеет место иерархическая структура и директивное управление. В новом подходе управление должно быть опосредованным, в прокси-режиме и в существенной степени рефлексивным. Однако основной недостаток данного подхода состоит в том, что в отличие от иерархического типа организации, свойственного ВС, добиться аналогичного уровня управляемости в отношении сетевых групп намного сложнее. Более того, т.к. их организация по иерархическому принципу ВС невозможна или крайне затруднена (например, по политическим причинам: агрессор чаще всего старается скрыть свое участие в демонтаже неудобного режима), то управление осуществляется опосредованно над децентрализованными группами и индивидуумами.

При столь высокой степени детализации элементов воздействия на объект-мишень (вплоть до одного человека, единицы военной техники и пр.) произошел сдвиг от платформ к сети. По всей видимости, на этом основан принцип сетецентрической войны (военных действий) и

сетевых операций (подробней см. [13]). Следовательно, тип их организации должен быть сетевой. Переход от иерархического типа организации к сетевому автоматически ужесточает требования к управлению. Число управляющих команд должно быть радикально увеличено, а их воздействие на сетевые структуры не должно быть беспорядочным, иначе управляемость процессом будет утеряна и необходимый результат окажется недостижимым. Для реализации эффективного управления над сетевыми группами требуется увеличение объема и скорости информационного обмена с ними и между ними, обеспечение обратной связью со стратегическим управляющим центром (агрессором), чтобы он имел представление о том, как проходит процесс и обладал возможностями для оперативной коррекции действий.

Однако важно не только увеличение числа управляющих команд, но и изменение их свойств. Очевидно, мотивация сетевых групп людей, которых опосредованно контролирует агрессор, кардинально отличается от мотивации его ВС. Здесь и требуются исследования организационного поведения, технологии рефлексивного управления массами и т.п. Значительных успехов в этом направлении достиг Тавистокский институт человеческих отношений (Великобритания)[14]. Кроме того, особое положение здесь занимают методы спецслужб, например, использование отдельных лиц или целые группы без их ведома («втемную»). Как следствие, важно не только *количественное* изменение управляющих команд в сторону их кардинального увеличения, но и их *качества* (через рефлексивное управление).

Подробно этот вопрос уже был освещен отечественными специалистами¹¹. При этом для агрессора несущественны побочные эффекты по типу гибели протестующих/мятежников, экономического паралича, гуманитарной катастрофы и пр. — главное достижение заключается в конечной цели, т.е. в перехвате управления над объектом-мишенью в целом. Как следствие, удается добиться гибкости применения сетевых групп и их высокой адаптивности к изменяющимся условиям. Поэтому применение теории хаоса оптимально накладывается на сетевой подход. Эффективное воздействие на хаотизированную среду в линейной парадигме и иерархической форме управления практически неосуществимо.

Ситуация коренным образом меняется, когда среда рассматривается как множество децентрализованных элементов сети, необходимое воздействие на которые агрессором осуществляется сообразно его стратегическому плану за счет радикального увеличения числа управляющих команд и их качественного изменения. Без сетевых технологий и рефлексивного управления, а, следовательно, нужного количества и качества управляющих воздействий, сетевые прокси-структуры оказались бы дезорганизованными, т.е. бесполез-

¹¹ Овчинский В.С., Сундиев И.Ю. Организационное оружие: функциональный генезис и система технологий XXI века. [Электронный ресурс] // Доклад Изборскому клубу. 2013. 26 июля. URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/1466/#1> (дата обращения: 02.05.2019).

ными в деле демонтажа режима. Переход от иерархии и линейности к сети и контролируемой нестабильности позволил преобразовать массы людей так, чтобы они стали инструментом внешнего агрессора. В рамках предыдущих парадигм и технологий и без революции в области рефлексивного управления добиться столь высокой управляемости сетевыми группами людей в координации с другими неинтервенционными элементами насильственного контроля было невозможно.

В итоге, на базе новых принципов удалось достичь такой согласованности внутри и между сетевыми группами в совокупности с другими неинтервенционными элементами насильственного контроля, когда наибольшим образом усиливается эффективность от их применения, при которой возникают *синергия и, как следствие, синергетический эффект*. ИКТ, манипуляции элитами и народными массами на основе исследований организационного поведения и рефлексивного управления, а также сетевой принцип организации привели к кардинальному росту согласованности всех составляющих нового типа насильственного контроля. В совокупности все это создает синергетическую эффективность осуществления демонтажа неугодного политического режима *без использования прямой военной силы, но по результату сопоставимому с ее применением*. Это принципиально новый уровень синергии воздействия неинтервенционных элементов насильственного контроля. Здесь и заключена причина и механизм эволюционного скачка в деле осуществления насильственного контроля по сравнению с предыдущими подходами.

Более того, благодаря такой синергии средства нападения ушли в отрыв от средств защиты от них. Объяснение этому феномену состоит в том, что для достижения синергии нет необходимости в радикальной трансформации ведомств, институтов и т.д. со стороны агрессора, отвечающих за применение неинтервенционных элементов насильственного контроля в отношении объекта-мишени. В свою очередь, нынешняя форма организации некоторых объектов-мишеней существенно устарела по сравнению с новым типом насильственного контроля, что обусловлено намного более высоким уровнем согласования его элементов по сравнению с системой защиты объектов-мишеней, где согласованность между институтами, отвечающими за безопасность (ВС, спецслужбы, полиция, политическое руководство и пр.), намного ниже. Разница между такой агрессией и защитой особенно усиливается, если агрессор ресурсами и технологически превосходит свою жертву. В результате, если неклассическая война оказывалась успешной, то для агрессора соотношение эффективность/цена радикально возрастало. В этом состоит его принципиальное отличие от прошлых войн.

Анализ терминов, описывающих соответствующие технологии и концепции, по типу «цветных революций» [15], «гибридных войн», «мятежевойна» [16], «системно-сетевая война» [17], «миграционное оружие» [18],

«организационное оружие»¹² и некоторых других, показывает, что все явления, определяемые этими терминами, имеют единый генезис, в основе которых лежит синергетический эффект от применения неинтервенционных элементов насильственного контроля над объектом-мишенью на основе ИКТ, сетевых технологий и рефлексивного управления. Неинтервенционные элементы стали применяться в куда большей степени *не как сумма, а как целое*, с достижением синергетического роста эффективности. Данный признак — подлинно системный и фундаментальный, и он принципиально неустраним. Без него неинтервенционная агрессия не удовлетворяет ключевому условию — достижению агрессором насильственного контроля над объектом-мишенью без полномасштабного применения им своих ВС по результату, сопоставимому с применением ВС.

В дальнейшем указанный признак понадобится для формулирования основы нового понятийного аппарата. Также отметим, что перечисленные термины следует отделять от «управляемого хаоса» и других сопряженных с ним терминов. Под «цветными революциями», «гибридными войнами»¹³ и т.п. понимается оружие и технологии оперативного назначения, т.е. практического применения парадигм и концепций, обозначаемых «управляемым хаосом». Наконец, подчеркнем, что *дестабилизированный указанным выше образом объект-мишень представляет собой нелинейную динамическую систему, на которую осуществляется воздействие по средствам сетевых групп и других неинтервенционных элементов насильственного контроля, чье конечное состояние — аттрактор — должно соответствовать интересам агрессора*. Это и есть боевое применение концепции «управляемого хаоса»,

¹² Овчинский В.С., Сундиев И.Ю. Организационное оружие: функциональный генезис и система технологий XXI века. [Электронный ресурс] // Доклад Изборскому клубу. 2013. 26 июля. URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/1466/#1> (дата обращения: 02.05.2019).

¹³ Отметим, что в соответствии с доктринальными документами (например, Headquarters Department of the Army Washington, DC. Army Doctrine Reference Publication, 2012. № 3–37. [online]. 31 August. URL: https://fas.org/irp/doddir/army/adrp3_37.pdf (дата обращения 03.05.2019) гибридная война определяется как «разнообразная и динамичная комбинация регулярных войск, иррегулярных формирований, террористических сил и/или криминальных элементов, объединившихся для достижения взаимовыгодных целей». Однако в отечественной экспертной среде смысл, вкладываемый в этот термин, кардинально изменился и часто используется без адекватного понимания того, что под ним изначально имелось в виду. Также отметим, что в первые годы сирийской войны против Б. Асада не выступали регулярные войска, однако война считалась гибридной. Сама же «гибридность», как применение иррегулярных формирований вместе с регулярными войсками, фактически есть следствие описанного в настоящей статье механизма использования сетевых групп в качестве ключевого неинтервенционного элемента насильственного контроля над объектом-мишенью. Поскольку иррегулярные формирования (разновидность сетевых групп) имеют важнейшее значение для этой цели, то их использование может осуществляться без регулярных сил. Иными словами, если убрать регулярные силы, то на первый взгляд может показаться, что термин «гибридная война» лишается смысла, однако в действительности это не так, поскольку на иррегулярные формирования делается основная ставка, и отсутствие применения регулярных сил не изменит сути явления, обозначаемого этим термином. Следовательно, требование достичь агрессором насильственного контроля без прямой интервенции, т.е. регулярных войск, соблюдается. Как показали последние годы сирийской войны, агрессор может ограниченно задействовать свои ВС, что никак не противоречит сформулированному в настоящей статье условию достигать цели, главным образом, через неинтервенционные элементы насильственного контроля.

возможность которой подверг сомнению С. Манн, не обладая на тот момент нынешними знаниями и не имея современного представления о возможностях ИКТ, сетевой организации и т.д.

Отметим, что благодаря достижению синергии оказалось возможным *систематически* безнаказанно игнорировать международное право, решения Совета безопасности ООН и другие запреты на развязывание войны. Этого удалось достичь за счет того, что существующее международное право и нормы практически не адаптированы к ситуации, когда использование неинтервенционных элементов насильственного контроля достигает эффекта, сравнимого с прямой полномасштабной военной интервенцией. То есть, по факту имеет место война в таком виде, когда агрессора нельзя обвинить в ее развязывании и ответить на его действия путем прямой войны. С учетом того, что прямые и косвенные издержки от применения такого подхода в разы или на порядки меньше по сравнению с прямой интервенцией, то его преимущество становится неоспоримым.

Однако отметим важную деталь. Свержения правительств без прямой интервенции случались и до обсуждаемого эволюционного рывка и параллельно с ним, но только после него высокоорганизованный и высокотехнологичный агрессор сумел демонтировать режимы в таких странах, где государственные институты работали достаточно эффективно, а противодействие внешнему влиянию было мощным и системным¹⁴. До последней трети XX века «взлом» подобных устойчивых политических строев был возможен только с помощью интервенции. Новые подходы в насильственном контроле изменили ситуацию коренным образом.

* * *

Рассмотрим вопрос о том, можно ли считать новые типы насильственного контроля (неклассической агрессии) разновидностью государственного и международного терроризма или оружия. Поскольку использование неинтервенционных элементов как основного инструмента достижения насильственного контроля зачастую неявно не имеет ярко выраженной и однозначной для интерпретации формы, то как на уровне обывателя, так и в экспертной и политической среде часто крайне трудно, а порой и невозможно, распознать агрессию. У нее нет строго определенного момента начала, как, например, у вторжения немецко-фашистских войск в Советский Союз в 1941 году, а применяемые средства на отдельных стадиях не кажутся

---

¹⁴ Для обладавшего достаточными ресурсами актора осуществить переворот, например, в некоторых африканских странах было сравнительно просто. Для этого оказывалась военно-техническая, инструкторская и финансовая поддержка одному из местных военных кланов, вследствие чего менялся баланс сил, а свержение действовавшего лидера становилось делом времени. В странах, где институты власти и уровень организации намного сложнее, примитивным подкупом и передачей некоторого количества ВиВТ одной или нескольким группам военных не обойтись. Возникла необходимость в более продвинутых технологиях, вскрывающих защитные рубежи объекта-мишени комплексно и системно, провоцируя раскол внутри власти и т.д.

опасными. Однако уже на данном этапе система общества объекта-мишени может претерпеть фазовый переход, разрушительные последствия которого зачастую сопоставимы с прямым внешним вторжением. В связи с этим возникает вопрос: а возможно ли в принципе в подобных условиях четко отличить само понятие «войны» в форме неинтервенционного насильственного контроля («цветные» революции, гибридные войны и т.п.) от, например, государственного и/или международного терроризма? Полагаем, что на практике отличить эти понятия друг от друга невозможно.

Единственным способом могла бы стать четкая оценка масштабов задач, целей и ресурсов для их достижения со стороны агрессора, но и она исключена. Нельзя провести строгую демаркацию между недостаточным масштабом и ресурсами, чтобы считать агрессию актом государственного/международного терроризма, и достаточно значимыми, чтобы считать ее разновидностью войны. По этой причине все виды явлений, определяемые терминами «гибридные войны», «цветные» революции и т.п. в равной степени являются разновидностями и войны, и терроризма. Наконец, данные явления можно считать специфической формой оружия, если рассматривать их в соответствии с термином для этого понятия, приведенным ранее. Таким образом, уже на основании сказанного нетрудно заметить, что современные неинтервенционные типы насильственного контроля, в силу их специфики и неоднозначности в интерпретации, соответствуют определениям явлений, которые в эпоху доминирования прямой военной силы, как основного способа разрешения противоречий в наиболее острой форме, можно было относительно четко разделить между собой, но которые в эпоху новых типов насильственного контроля перестают быть различимыми.

* * *

Чтобы дополнительно показать, что все обсуждаемые феномены, обозначаемые множеством созданных терминов, имеют общий генезис, целесообразно выделить уровни воздействия новых технологий насильственного контроля — от минимального, мягкого, до максимального — жесткого (неограниченное насилие и количество задействованных участников, и т.п.). Дело в том, что не всеми типами неинтервенционной войны можно добиться нужного результата. В одних странах свержение власти достигалось в сравнительно «мягкой» форме, как это произошло в Грузии в 2003 году («революция роз») или в Тунисе в 2010-2011 годах («вторая «жасминовая революция»): без массовой гибели населения, разрушения инфраструктуры и потери территориальной целостности.

Однако есть примеры куда более тяжелых последствий для объектов-мишеней агрессии, в частности, Йемен и Сирия¹⁵. В этих странах агрессор

¹⁵ Несмотря на то, что внешним противникам не удалось свергнуть Б. Асада, де-факто Сирия как целое и суверенное государство перестала существовать.

затратил существенно больше ресурсов и был вынужден преобразовать свои подходы. Отметим, что разделение условное и зависит от методов оценки и при необходимости можно выделить в нем разное число стадий. Однако главное в том, чтобы понимать: *разрушительное воздействие неклассической войны на объект-мишень есть функция от устойчивости его государственной и социальной системы, т.е. чем дольше объект-мишень демонстрирует стойкость, тем более разрушительные типы неклассической войны задействуются агрессором в его отношении.*

К основным внутренним характеристикам объекта-мишени, влияющим на его устойчивость, можно отнести монолитность высшего — властного — уровня системной организации, глубину социально-экономических проблем, степень социальной поляризации, культурно-исторические особенности народа, его менталитет. Последние две характеристики наравне с монолитностью власти критически важны, т.к. являются определяющими для выживания в период исторических экстремумов.

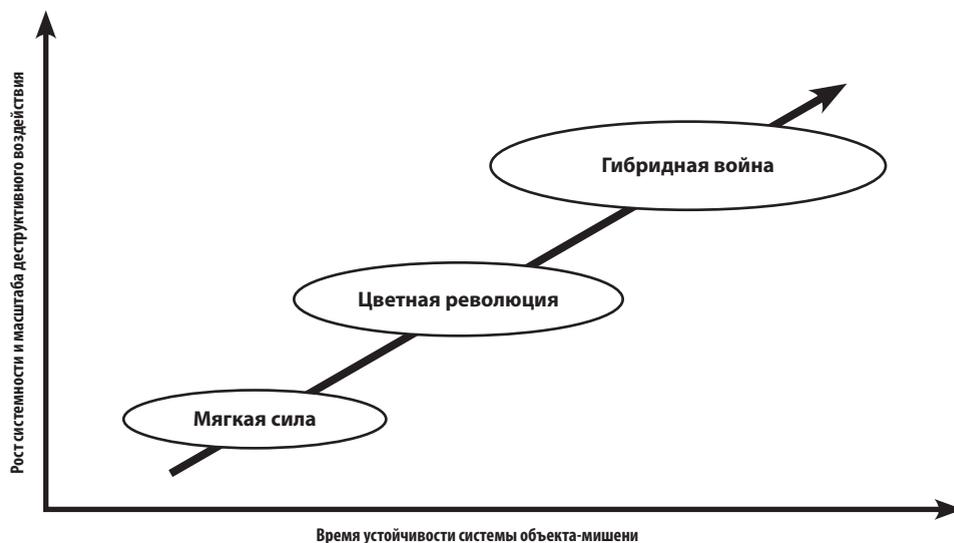
К внешнеполитическим факторам следует отнести уровень поддержки объекта-мишени на международной арене. Показательным примером может считаться Ливия, где ее лидер М. Каддафи и все военно-политическое руководство не обеспечили себе такую поддержку, благодаря которой смогли бы избежать агрессии или устоять. Кроме того, влияние трайбализма и нерешенных внутренних противоречий выявили слабость ливийской властной структуры, приведшей к предательству части военных в окружении М. Каддафи.

Таким образом, в странах, где применения одной «мягкой силы» оказалось недостаточно для втягивания их в зону геополитических и экономических интересов агрессора и его системы ценностей, последовала фаза демонтажа их правительств. Чем выше была устойчивость системы объекта-мишени агрессии, тем с большей вероятностью агрессор был вынужден переходить к более «жестким» разновидностям насильственного контроля для достижения конечной цели. Устойчивость определяет выбор агрессором такого типа неинтервенционного насильственного контроля, который с его точки зрения окажется наиболее эффективным при решении поставленных им задач.

В Сирии, где первоначальных протестов оказалось недостаточно, в сжатые сроки был задействован запасной сценарий. Если сначала в качестве главной ударной силы (сетевых групп) использовались протестные движения, то из-за нехватки времени и поддержки Ираном Сирии коллективный агрессор перешел к использованию иррегулярных транснациональных экстремистко-террористических формирований, главным образом, исламистского толка. Их усилили наемники и представители спецподразделений стран ближнего и дальнего зарубежья (спецслужбы осуществляли их инфильтрацию в среду групп боевиков для их координации и применения против проасадовских сил).

Чаще всего данный этап применения неклассической агрессии нового типа ассоциируют с гибридной войной (отметим, что предложенная авторами [17] концепция «технология системно-сетевой войны» и ее ядра т.н. «облачного противника», как минимум, не в меньшей степени проработана в теоретическом плане. Возможное применение данной концепции в гипотетическом конфликте в Латиноамериканском регионе исследовано достаточно подробно [19]). Здесь проявляется специфическое свойство неклассической войны: если в ходе прямой интервенции агрессор проводит концентрацию войск, ведет наступление с максимальным напряжением сил и стремится сразу нанести наибольший урон объекту-мишени, то в неклассической войне подход иной. Агрессор действует исходя из возможностей и действий противника, постепенно наращивая свое давление, аккумулируя все больше ресурсов и переходя к все более жестким формам воздействия, если объект-мишень продолжает сопротивление. Свойственный неклассической агрессии постепенный рост прессинга отличает ее от интервенции, когда по объекту-мишени сразу наносится удар максимальной силы.

Кроме того, с переходом к все более жестким сценариям неклассической войны нового типа (от «мягкой силы» к «цветной» революции и, далее, к гибридной войне) все четче проявляется еще одно свойство: чем большую устойчивость демонстрирует объект-мишень, тем системнее и всеохватнее становится агрессия (рис. 1.).

Рисунок 1. С ростом времени устойчивости, демонстрируемой государственной и социальной системой объекта-мишени, возникает необходимость в большей системности и масштабе разрушительного воздействия в отношении него. Чем дольше объект-мишень сохраняет текущее состояние, т.е. правящий режим удерживает власть и/или не поддается на требования агрессора, тем все более жесткие формы неклассической войны задействуются агрессором.

В экстремальной форме (как, например, в случае с Сирией) все общество и все государство объекта-мишени втягиваются в противодействие агрессии. Соппротивление осуществляется не столько через отдельные ведомства и институты (военно-политическое руководство, ВС, полицию, спецслужбы и пр.), сколько всей общественно-государственной системой. Ее ключевые узлы и являются целями агрессора, поэтому новейшие формы насильственного контроля стремятся оказать *системно-тотальное и перманентное деструктивное воздействие* на объект-мишень как целое, которое само требует от агрессора нового уровня участия, а не только через классические институты (верховное командование, генеральный штаб, спецслужбы и пр.).

До перехода к новой парадигме рассмотрения пространства международных процессов как системы динамического хаоса и последовавшего эволюционного скачка такой тип воздействия без применения полномасштабной прямой интервенции был невозможен. Он обуславливает максимальную степень разрушения системы объекта-мишени и перевода его в состояние, отвечающее интересам агрессора. Кроме того, в процессе трансформации «мягкого» сценария в жесткий особенно ярко проявляется диффузия состояний «мира» и «войны»¹⁶. В сущности, они перестают быть различимы, и чем развитей будут новые типы насильственного контроля, тем сложнее окажется сепарация «мира» и «войны». В пределе, в экстремальном случае, эти отличия могут полностью редуцироваться, а оба состояния перестанут быть различимы. На текущий момент невозможно дать однозначный ответ на вопрос о том, достижим ли такой уровень интеграции состояний «мира» и «войны» или нет.

Немаловажно остановиться и еще на одном свойстве новых типов неклассической войны. Суть его в том, что чаще всего основной целью становится отнюдь не сам объект-мишень, где непосредственно осуществляется демонтаж политического режима или даже всего государства. Например, агрессор, индуцировавший прототипы «цветных» революций конца 80-х годов XX века в некоторых странах социалистического лагеря, стремился, в первую очередь, не к их подчинению, а к тому, чтобы этим ослабить СССР. Именно советское государство в качестве цели агрессии было наивысшим приоритетом, но удар по нему наносился опосредованно. Из более современных примеров можно выделить государственный переворот на Украине

---

¹⁶ Отражением данного процесса можно считать появление термина «серая зона» («the gray zone»), определяемая как операционная среда, в которой агрессоры используют неясность и отрицают свою причастность для достижения стратегических целей, ограничивая противодействие со стороны других национальных государств. Подробнее см.: Chambers J. Countering Gray-Zone Hybrid Threats. An Analysis of Russia's «New Generation Warfare» and Implications for the US Army. Modern War Institute at West Point. [online]. 2016. 18 October. URL: <https://mwi.usma.edu/wp-content/uploads/2016/10/Countering-Gray-Zone-Hybrid-Threats.pdf> (дата обращения: 05.07.2019).

в 2014 году (государство самого низкого I уровня приоритета), когда путем перехвата управления над ней преследовалась цель ликвидировать зону влияния России (государство более высокого уровня приоритета), создав у российских границ зону перманентной дестабилизации. Именно это и являлось главной целью агрессора.

В определенном смысле целью высокого приоритета был и ЕС, так как украинский кризис препятствует экономическому (в особенности, энергетическому) взаимодействию между Москвой и его ключевыми странами. Еще один пример — Сирия (государство с приоритетом уровня I), через которую воздействие осуществляется на Иран (приоритет уровня II), а через него на Китай и Россию (приоритет уровня III). По выражению иранских чиновников, Сирия для Ирана является «золотым звеном», поскольку имеет ключевое геостратегическое положение в создаваемом Ираном т.н. «шиитском поясе» от Тегерана до Бейрута. Китай в данной схеме получает косвенный урон от втягивания Ирана в затяжную войну, что способно негативно сказаться на реализации одного из маршрутов китайского стратегического проекта «Один пояс, один путь», пролегающего также и через регион Ближнего Востока.

Вместе с этим война против Сирии одновременно вынудила российское руководство втянуться в нее. Впрочем, нужно отметить, что агрессор через неинтервенционный насильственный контроль одновременно с внешнеполитическими задачами может решать и внутривнутриполитические. Например, «Арабская весна» была запущена при администрации Б. Обамы, и участие в ней осуществлялось через Госдепартамент, разведсообщество и американских региональных сателлитов, в большей степени ориентированных на демократов и стоящих за ними глобалистов. В ходе «Арабской весны» был свергнут целый ряд режимов, ориентированных на республиканцев или имевших с ними договоренности (например, каддафийская Джамахирия, режим Х. Мубарака в Египте), серьезно снизился уровень взаимоотношений между Белым домом демократов и Саудовской монархией. Как следствие, через активность на внешнеполитической арене одна часть американских элитарных групп ослабляла позиции другой внутри США.

В итоге, созданная в той или иной стране дестабилизация при помощи новой формы неклассической агрессии косвенно влияет на другие страны, генерируя для них угрозы. Следовательно, можно говорить о просчитываемых агрессором каскадных эффектах (рис. 2).

Рисунок 2. Схематично показан многоуровневый характер неклассической войны. Агрессия в отношении объекта-мишени I уровня приоритета создает каскадный эффект, выражающийся в нанесении прямого и косвенного урона объектам-мишеням более высокого приоритета.

Причем, несмотря на то, что эти эффекты вторичны, они имеют зачастую большую значимость, чем агрессия, направленная на страну-мишень I уровня приоритета. Важнейший смысл этой особенности заключается в том, чтобы созданная дестабилизация в одной стране или ряде стран приоритета уровня I способствовала в конечном итоге дестабилизации в стране более высокого приоритета.

Ситуация напоминает стратегию, когда в стране, в годы «холодной» войны входившей в зону влияния СССР или США, при внешнем участии одной из сверхдержав осуществлялся приход к власти удобной ей местной контрэлиты для подрыва позиций сверхдержавы-противника. Однако обсуждаемые в статье современные подходы неклассической войны обладают значительно большими разрушительными последствиями, поскольку с их помощью полностью перехватывается контроль над объектом-мишенью приоритета I уровня через втягивание его в зону ценностной системы агрессора и его военно-политического влияния, либо он ликвидируется как международный субъект. И тот и другой путь наносит объекту-мишени высшего приоритета огромный урон.

* * *

Как уже отмечалось, размытость, отсутствие четких границ, сложность выявления и определения обсуждаемого типа угроз в рамках устаревших терминов также требует принципиально нового подхода для их объяснения с созданием адекватного понятийного аппарата. Часто определения этим явлениям вводятся произвольно, поэтому авторы настоящей статьи видят свою задачу не в «преумножении сущностей» в дополнение к уже выведенным терминам, которые созданы словно на разных языках и не согласованы между собой. Напротив, нами предлагается подход, основанный на разработке единой системы описания, максимально полно отражающей свойства всех обсуждаемых явлений, рассматриваемых в рамках всего множества возникших за последние годы терминов, а также их положение в ней. Только путь от общего — системного и комплексного — к частному позволит создать основу для понятийного аппарата, способного разрешить имеющиеся противоречия и путаницу.

Приведенный выше анализ выявил несколько фундаментальных признаков, свойственных новым типам неклассической агрессии. Они лежат в основе ключевого механизма воздействия на объект-мишень со стороны агрессора для достижения главной цели — осуществления насильственного контроля над ним без использования ВС по результату, сравнимому с применением прямой интервенции. В предыдущих главах было доказано, что радикальное увеличение числа управляющих команд, рефлексивный характер управления на базе теории хаоса и сетевой организации лежит в основе синергетического эффекта применения неинтервенционных элементов насильственного контроля, благодаря чему стало возможным достигать результата как от прямой интервенции. Данное свойство характерно для всех типов неклассической войны. Следовательно, оно фундаментальное и всеобщее для ее проявлений, обозначаемых существующими терминами: «цветная революция», «гибридная война», «системно-сетевая война», «мятежевойна», «организационное оружие», «сетевые войны (военные действия) и операции» и другие термины, которые в силу ограниченного объема статьи в нее не вошли. Собственно концепция «управляемый хаос» и смежные с ней концепции¹⁷ представляют собой теоретический базис,

¹⁷ Исходя из анализа определения концепции операций, базирующихся на достижении эффектов (ОБДЭ), можно предположить, что она имеет определенную сопряженность с концепцией управляемого хаоса. В ней исходят из необходимости координации и управления всеми элементами национальной мощи для достижения желательных эффектов при решении задач в сфере национальной безопасности. Так согласно определению исследовательского центра RAND Corp., ОБДЭ — это «операции, понимаемые и планируемые в системном фрейме, которые рассматривают весь диапазон прямых, не прямых и каскадных эффектов, способных с различной степенью вероятности быть достигнутыми через применение военных, дипломатических, психологических и экономических инструментов». Подробнее см.: Davis P. Effects-Based Operations. RAND. 2001. [online]. P.7. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monograph_reports/2006/MR1477.pdf (дата обращения: 06.05.2019). Вместе с другими определениями ОБДЭ (например, см. Summary of the MORS Workshop: Analyzing Effects-Based Operations. Military Operations Research Society (MORS). Booz Allen Hamilton. [online].

парадигму для перечисленных типов неклассической войны, поэтому их следует различать.

Таким образом, на основании вышеизложенного мы подошли к возможности сформулировать законы неклассической войны:

Первый закон говорит, что в ходе неклассической войны возможно достижение насильственного контроля над объектом-мишенью, по результату сопоставимому с применением прямой военной силы, если воздействие ее неинтервенционных элементов достигает необходимого синергетического эффекта.

Второй закон гласит, что необходимый уровень синергетического эффекта от применения неинтервенционных элементов достигается тогда, когда в основе использования их важнейшего компонента — сетевых групп — лежит рефлективное управление, а количество управляющих команд в отношении их составляющих обеспечивает точность воздействия вплоть до индивидуума, благодаря чему сетевые группы, согласованно с другими неинтервенционными элементами, становится возможным контролируемо направлять с целью перехвата управления над объектом-мишенью в соответствии с замыслом агрессора.

По третьему закону сохранение объектом-мишенью устойчивости своей социальной и государственной системы под действием развязанной против него неклассической войны ведет к использованию агрессором все более разрушительных ее типов, когда в пределе ставится задача достигнуть системно-тотального и перманентного деструктивного воздействия на объект-мишень для осуществления насильственного контроля над ним.

Отметим, что само системно-тотальное и перманентное воздействие в неклассической войне недостижимо без соответствующей теоретической базы, основанной на парадигме применения теории хаоса в сфере национальной стратегии, и синергетического эффекта от использования ее неинтервенционных элементов. Разумеется, возможность перехода к экстремальным формам неклассической войны основывается на оценке

2002. 29-31 January. URL: https://archive.org/details/DTIC_ADA414980 (дата обращения: 05.05.2019) они формулируют принципы данной концепции, основывающиеся на координации и управлении всеми элементами мощи агрессора с целью достичь требуемых эффектов в интересах национальной безопасности. Описанный в данной статье подход дает представление о том, насколько расширились возможности влияния на поведение объекта-мишени, т.к. перенос ставки на неинтервенционные элементы привел к колоссальному увеличению инструментария для оказания эффектов на него. При этом в концепции ОБДЭ необходима постоянная оценка оказываемых эффектов для ввода коррективов в свои действия и достижения нужного результата, для чего требуется соответствующее количество каналов для обратной связи. Одновременно с этим для того, чтобы воздействие не было бессистемным и соответствовало стратегическому плану, с учетом условий, описанных в главе 2.1, и усложнения операционной среды (ее хаотизированности), потребовалось радикальное увеличение количества управляющих команд, а порой и их качественное изменение. Это и привело к возникновению синергетического роста эффективности воздействий на объект-мишень для достижения нужных агрессору эффектов, чем и объясняется возникновение концепции ОБДЭ и увеличение ее влияния на стратегическое мышление.

агрессором стратегической выгоды и издержек. Если, с точки зрения агрессора, выгода в достаточной мере превзойдет издержки, то вероятность перехода к экстремальной стадии резко стремится к единице.

* * *

Современные неклассические войны всегда включают в себя экономическую и торгово-финансовую составляющую. Это важные неинтервенционные элементы агрессии. При этом государства, вступая в состояние неклассической войны, на первых этапах внешне вообще могут не ощущать никаких качественных изменений в своем существовании: их граждане продолжают свободно перемещаться по территориям этих стран, пересекать границы, и никто при этом не будет в них стрелять и не будет пытаться взять их в плен; города этих стран никто не бомбит, танки не ездят по улицам, крылатые ракеты не падают на школы, детские сады и больницы. Но при этом правительства уже строят агрессивные планы по уничтожению конкретных национальных экономик методами экономической, финансовой, торговой войны — для того, чтобы подорвать и уничтожить ресурсную базу противника, без которой он в обычной войне просто не сможет сопротивляться. Именно в таком состоянии необъявленной войны сегодня оказались два мировых лидера — США и КНР, вступившие в 2018 году в «торговую войну», ставшую для Китая войной на истощение.

Сама война продиктована двумя причинами. Первая заключена в самих США. Д. Трамп и стоящие за ним силы всеми способами пытаются восстановить реальный сектор экономики. Для этого, помимо прочего, требуется увеличить экспорт американских товаров, а дисбаланс в американо-китайской торговле в данном случае — крайне неблагоприятный фактор. Промышленность — опора национально-ориентированного бизнеса США и связанных с ним элит, и уже поэтому текущий конфликт не может сойти на нет до тех пор, возможно, пока в Белый дом не придут оппоненты Д. Трампа. Подчеркнем: сдерживание (а как максимум — нейтрализация) КНР — суть консенсуса внутри американских элит. Разночтения касаются методов противодействия. При Б. Обаме подобной торговой «войны» не было, поскольку диспаритет в экономике был выгоден глобалистам, к которым относятся и финансовые структуры, экспортирующие доллар и оплачивающие им китайские товары. Однако Д. Трамп и стоящий за ним реальный сектор экономики этим недовольны, т.к. диспаритетом в торговле с Китаем наносится вред их интересам. В результате, развязанная нынешним президентом США торговая «война» призвана решить две задачи: сдержать Китай и нанести урон глобальным финансовым структурам.

Для КНР протекционистские меры Вашингтона весьма чувствительны, даже несмотря на его гигантский ВВП. Падение экспортной выручки опасно не столько само по себе, сколько последствиями, поскольку устойчивость китайской модели поддерживается высокими темпами экономического роста.

Более того, по данным Euromonitor International на 2016 год¹⁸ стоимость труда китайского рабочего составила 3,6 доллара в час; с 2005 года данная величина выросла втрое. Для сравнения: в Индии аналогичный показатель составил 0,7 доллара в час, а в Португалии — 4,5. В результате, наблюдается сильное удорожание рабочей силы в Китае, а это означает, что дешевая рабочая сила перестает быть для него конкурентным преимуществом. Единственная альтернатива — уход в технологии, т.е. вложения в высокотехнологические направления, такие как IT-сфера, автомобилестроение, авиа-космическая отрасль, биотехнологии и т.д. Одновременно растет и необходимость в рынках сбыта, которые сейчас заняты конкурентами из США, Европы, Южной Кореи, Японии, Тайваня и др. В потенциале сдерживание Китая на этих направлениях ведет к замедлению экономического роста — одного из основных гарантов легитимности Коммунистической партии Китая. Падение или отсутствие роста угрожает внутренней социально-политической стабильности, а это фундаментальная угроза национальной безопасности КНР. Соответственно санкции и прочие ограничения, вводимые администрацией Д. Трампа против китайских высокотехнологических гигантов (компании Huawei, ZTE и пр.), ставят перед собой цель подорвать переход КНР от устаревшей экономической модели к высокотехнологичной экономике. Кроме того, противодействуя Китаю, США стремятся ограничить продвижение его уже упомянутой инициативы «Один пояс, один путь», а также через дестабилизацию его регионов.

Запущенная Д. Трампом торговая «война» все более технологизируется и сращивается с иными формами и методами неклассической войны. Одной из них является внестоличная разновидность «цветной» революции, наблюдаемая в Гонконге с марта 2019 года. У нее был конкретный предлог, а именно — решение гонконгских властей принять законопроект об экстрадиции преступников. Суть проблемы в том, что Гонконг не имеет соглашения с материковым Китаем, а также Макао и Тайванем по поводу экстрадиции; принятие закона позволило бы выдавать Пекину лиц, нарушивших китайские законы. Местная оппозиция немедленно возмутилась инициативой пропекинской главы гонконгской администрации Кэрри Лам, заявив, что это будет означать «смерть автономии». Речь идет о возможной экстрадиции на материк разного рода правозащитников и диссидентов — тех, кто недоволен китайской властью. Принятие закона позволило бы выдавать Пекину этих лиц. Масштаб возникших на этом фоне волнений оценивают по-разному. Сами организаторы приводят оценку в 1,03 млн человек на пике протестов, власти — 240 тысяч, но в любом случае это явно больше даже по сравнению с т.н. «революцией зонтиков» 2014 года. Степень жесткости столкновений также возросла: регулярно фиксируются погромы, имел место

---

¹⁸ China Still Lucrative for Businesses Despite the Rising Wage Rates // Euromonitor International. 2017. 13 March. [online]. URL: <https://blog.euromonitor.com/china-still-lucrative-businesses-despite-rising-wage-rates/> (дата обращения: 17.09.2019).

штурм парламента, зачинщики беспорядков пытаются вызывать паралич гонконгского аэропорта и прочее.

Однако у нынешних событий в Гонконге существует ключевое отличие от «революции зонтиков». 12 августа 2019 года поступила информация о концентрации подразделений Народной вооруженной милиции (входит в состав НОАК) в городе Шэньчжэнь провинции Гуандун, граничащем с Гонконгом. Фиксировалось прибытие в большом количестве грузовиков и бронетехники (аналоги российских БТР). Это — сам по себе довольно примечательный факт, поскольку если китайцы для подстраховки направили туда военных, значит, у них имеются основания считать, что потенциал протестов может быть куда большим, чем можно оценить со стороны. Более того, ввод Пекином армейских частей в Гонконг смотрится провоцированием китайского руководства на более жесткие действия в отношении толпы. Здесь и состоит основная угроза: как только военные окажутся внутри города, встанут на защиту административных зданий, оградят площади и т.п., с высокой вероятностью появятся провокаторы, которые попытаются столкнуть обе стороны. Подобная схема уже многократно отработана и одной из ее разновидностей являются «неизвестные снайперы», проявившие себя в самых разных событиях, например, на киевском майдане 2014 года. Схема проста: в определенный момент, когда противостояние достигнет определенного накала, неизвестными снайперскими группами открывается огонь и по протестующим, и по силовикам. В результате, насилие переходит на новый уровень: полиция и солдаты пускают в ход максимум имеющихся средств вплоть до применения боевого оружия. Толпа же, подстегиваемая провокаторами и указаниями, например, через социальные сети, применяет все доступные средства — от бит до самодельных газовых гранат и булав. Таким способом достигается самоподдерживающийся режим эскалации насилия, а сами власти (в обсуждаемом случае — Пекин) обвиняются в преступлениях против своего народа. Затем формируется коалиция стран, осуждающая неадекватное применение силы со стороны силовых структур и политического руководства, в разных городах мира проводятся пикеты и митинги у китайских посольств и консульств, начинаются вбросы о необходимости усилить санкционный прессинг против КНР, исключить из тех или иных организаций, звучат призывы к другим странам о помощи¹⁹ и т.п. И это только начало. Если Китай поддастся на провокацию — а избежать этого в случае ввода армейских подразделений в Гонконг будет очень непросто, — тогда его загонят в узкий коридор решений и действий. Несиловым путем усмирить протестующих не удастся, а применение силы (да еще с пролитой кровью и смертельными исходами) — как раз то, чего ждут организаторы протестов и их бенефициары.

¹⁹ Osborne S. Hong Kong protesters, waving American flags, call on Trump to 'liberate' city // The Independent. 2019. 8 September. [online]. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/asia/hong-kong-protest-trump-china-american-flag-stars-stripes-a9096311.html> (дата обращения: 17.09.2019).

Кроме того, если проанализировать дестабилизацию в Гонконге не только 2019 года, а в увязке с событиями пятилетней давности (упомянутая «революция зонтиков»), то в глаза бросается наращивание ее организаторами ресурсов, вливаемых для усиления волнений и погромов, с одновременным увеличением их масштабов. Как мы полагаем, подобный подход описывается сформулированным в предыдущей главе *третьим законом неклассической войны*: сохранение объектом-мишенью устойчивости своей социальной и государственной системы под действием развязанной против него неклассической войны ведет к использованию агрессором все более разрушительных ее типов, когда ставится задача достигнуть системно-тотального и перманентного деструктивного воздействия на объект-мишень для осуществления насильственного контроля над ним. Данный закон применим не только ко всей эволюционной схеме ужесточения форм неклассической войны (условно: «мягкая» сила — «цветная» революция — гибридная/торговая «война»), но и к отдельным ее стадиям. Например, «цветная» революция сама по себе способна иметь несколько фаз, разнесенных по времени и/или в пространстве, но в пределах страны-мишени:

- первая, т.н. зондажная, когда агрессор запускает урезанную версию «цветной» революции в столице или в другом регионе страны (например, Гонконг-2014) с целью изучить реакцию властей и вскрыть ее уязвимости;
- вторая, полноценная «классическая фаза» «цветной» революции или ее модификации («столичная» или «внестоличная»);
- третья, т.н. «DDoS-революция» — идет на смену второй фазе, если ее оказалось недостаточно; агрессор активирует протесты сразу в нескольких проблемных регионах страны-мишени с достижением кумулятивного и синергетического эффекта при суперпозиции воздействия от беспорядков, синхронно и/или последовательно инициированных как минимум в нескольких регионах крупной страны (по аналогии: власть это сервер, который при помощи активации пространственно-разнесенных беспорядков вынуждают исчерпать свои ресурсы).

Данная схема является прямым следствием третьего закона неклассической войны: раз объект-мишень (пропекинская администрация Гонконга и сам Пекин) проявил устойчивость в торговой войне, то давление наращивается и, учитывая реакцию китайских властей в виде концентрации военных у границ с Гонконгом, события развиваются в соответствии с планами агрессора. Также следует отметить, что хоть формальным поводом для выступлений огромной толпы стал вышеупомянутый законопроект об экстрадиции, но по времени он совпал с очередной фазой противостояния в торговой войне. Учитывая массивное и многостороннее давление, оказываемое действующей администрацией США на Китай, удар по Гонконгу идеально встраивается в данную стратегию. Более того, разрастание протестов приходится на период после окончания «торгового перемирия», в течение которого стороны планировали достигнуть нового соглашения.

1 марта «перемирие» безрезультатно закончилось и в течение месяца начались протесты против закона об экстрадиции, идущие до сих пор (на 18 сентября 2019 года). Поскольку нового соглашения на условиях Д. Трампа нет из-за стойкости Китая, его к нему подталкивают целым набором средств. Антипекинские выступления в Гонконге здесь — один из инструментов. На этом фоне официальный представитель китайского МИД Хуа Чуньин прямо обвинила США в том, что насилие в ходе беспорядков является их «творением»²⁰.

Немаловажна информация и о финансировании событий в Гонконге. Например, по результатам исследования гонконгской газеты «Дагунбао» («Ta Kung Pao»), организация «Контроль за правами человека в Гонконге» («Hong Kong Human Rights Watch»), служащая авангардом протестующих против поправок к закону об экстрадиции, еще с 1995 года получает ассигнования от Национального фонда поддержки демократии США (National Endowment for Democracy, NED), общая сумма которых за эти годы превысила 15 млн гонконгских долларов. По сообщению другой гонконгской газеты «Вэньхуэйбао» («Wen Wei Po»), с 1995 года по начало 2015 года NED через свой филиал осуществлял финансовую поддержку оппозиции в Гонконге. По оценкам, общий объем финансирования превысил 3,95 млн. долларов США. Примечательно, что согласно данным, опубликованным NED в 2018 года, среди всех стран, получавших его ассигнования, Китай занял первое место по размеру суммы — 6,5 млн долларов США. Как отмечают китайские аналитики²¹, эти цифры являются лишь верхушкой айсберга, поскольку большинство расходов этого Фонда не оглашаются из-за «чувствительности информации с точки зрения распространения». Сам же NED тесно связан с Конгрессом США и американским разведсообществом.

В деле финансирования протестов остановимся на одной примечательной фигуре — медиамагнате Ли Чжиине, более известном как Джимми Лай, которому принадлежит медиа-компания Next Digital. Этот прозападный деятель еще в 1989 году во время событий на площади Тяньаньмэнь раздавал футболки с портретами студентов-лидеров протестов и был активным участником «революции зонтиков». В то время Джимми Лай имел контакты с главой Гонконгско-американского центра (финансировавшего протесты в Гонконге в 2014 году) Мортонем Холбруком, сотрудником дипломатической службы США, человеком, близким к экс-министру обороны США, неоконсерватору Полу Вулфовицу, с которым Лай встречался в Мьянме в том же году. Согласно утечкам электронной почты²², Лай вложил более

²⁰ Китай назвал насилие в ходе протестов в Гонконге «творением» США. [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2019. 30 июля. URL: <https://ria.ru/20190730/1557006794.html> (дата обращения: 14.08.2019).

²¹ Каков размер «денежного вознаграждения» от США участникам беспорядков в Сянгане? [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао. 2019. 27 августа. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0827/c95181-9609501.html> (дата обращения: 15.09.2019).

²² Cohen D. Behind a made-for-TV Hong Kong protest narrative, Washington is backing nativism and

1,2 миллиона долларов США в антикитайские политические партии, в том числе 637 000 долларов — в Демократическую партию и 382 000 долларов — в Гражданскую партию. Лай также дал 115 000 долларов США Гонконгскому фонду гражданского образования и Гонконгской сети демократического развития, основанные преподобным Чу Юймином, являвшимся одним из соучредителей акции Occupy Central («Захвати Централ») — как называли свое движение протестующие во время событий в Гонконге в 2014 году. Медиамагнат потратил 446 000 долларов США на Occupy Central. Советником у Лая является Марк Саймон — аналитик разведки ВМС США, стажировавшийся в ЦРУ (у самого М. Саймона и отец был кадровым сотрудником этой спецслужбы). В 2009 году он организовал для Лая встречу с Сарой Пэйлин, экс-кандидатом в президенты США от республиканцев. Тот факт, что Джимми Лай вхож в высшие политические круги Вашингтона, подтверждается и его встречей в июле 2019 года с вице-президентом США Майком Пенсом, госсекретарем Майком Помпео, бывшим советником по вопросам национальной безопасности Джоном Болтоном, а также сенаторами-республиканцами Тедом Крузом, Кори Гарднером и Риком Скоттом²³. Уровень поддержки Лая американскими чиновниками высокого ранга выглядит особенно странно, если принимать во внимание тот факт, что он не занимает никакой правительственной должности. По информации западных СМИ, с Джимми Лаем высокопоставленные американские чиновники обсуждали «Закон об экстрадиции», а также существование Гонконга по принципу «Одна страна — две системы», однако учитывая прошлое этого деятеля, можно предположить, что подлинные причины встречи состояли совсем в ином.

Кроме того, китайские государственные издания опубликовали фотографии, которые были сделаны во время встречи сотрудницы Генерального консульства США Джули Иде с лидерами антипекинских протестов в гонконгском отеле Marriott²⁴. Официальных данных о деятельности Джули Иде после 2011 года практически нет, а ее биография, выложенная на сайте Госдепартамента²⁵, и навыки идеальны для «пиджака» — сотрудника разведки, работающего под дипломатическим прикрытием. Одним из лидеров беспорядков является активный участник «революции зонтиков» 22-летний Джошуа Вонг. В целом, как отметил заместитель директора Института

---

mob violence. [online] // The Gray Zone. 2019. 17 August. URL: <https://thegrayzone.com/2019/08/17/hong-kong-protest-washington-nativism-violence/> (дата обращения: 16.09.2019).

²³ Wadhams N. Trump Team Sends Defiant Signal to Beijing by Meeting Hong Kong Activist. [online] // 2019. 11 July.

²⁴ Wei Xinyan. Who is behind Hong Kong protests? [online] // China Daily. 2019. 17 August. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201908/17/WS5d578b28a310cf3e355664f1.html> (дата обращения: 16.09.2019).

²⁵ Women's History Month 2011: Julie Eadeh. [online] // U.S. Department of State. 2011. 1 March. URL: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/ei/pix/womenshistory/2011/157595.htm> (дата обращения: 17.09.2019).

стратегических исследований и прогнозов РУДН Никита Данюк, «даже после воссоединения [Китая и Гонконга — прим. соавторов], мы знаем, что огромное число некоммерческих организаций, общественных организаций, образовательных структур до сих пор получают определенную финансовую, информационную и другие виды поддержки с Запада»²⁶.

Под натиском толпы законопроект об экстрадиции был все же отозван, однако, как сообщают СМИ, протестующим этого оказалось недостаточно. Они по-прежнему настаивают выполнить «все пять требований — ни одним меньше», в частности, отменить использование термина «массовые беспорядки» в отношении протестов 12 июня, освободить всех арестованных ранее демонстрантов, провести независимое расследование действий полиции во время протестов 12 июня, ввести прямые всеобщие выборы главы администрации района и в законодательное собрание²⁷.

Таким образом, учитывая масштаб событий в Гонконге и реакцию Китая, беспорядки-2019 представляют собой логическое продолжение «революции зонтиков» с учетом полученного опыта. Фактически пять лет назад в Гонконге провели апробацию технологии «внестоличного майдана» и отложили в качестве заготовки до нужного момента. Как только он настал (из-за торговой войны), ее немедленно задействовали, но с большим размахом и жесткостью. Если руководство КПК отдаст приказ на силовые действия Народной вооруженной милиции против толпы в Гонконге, то сделает именно те шаги, которые от него ждут. В таком случае события будут развиваться по жесткому сценарию, их конечный смысл не составит труда вычислить. Если Китай не поддастся на давление Вашингтона, тогда подрыв его экономики будет продолжен не только за счет повышения пошлин на китайские товары и пр., но и через дестабилизацию ситуации в Гонконге. С учетом того, что две трети инвестиций из Китая и в него попадают через этот финансовый центр, это будет означать создание в нем атмосферы насилия и военно-политической эскалации (а применение силы Пекином, к чему его явно подталкивают, приведет именно к этому), способной крайне негативно сказаться на инвестициях. Ликвидация этого перевалочного пункта и оффшора для материкового Китая приведет к тому, что покидающий его капитал найдет себе новое место с более благоприятными условиями, например, в Сингапуре. Проблема состоит в том, что хоть Китай и стремится взять под контроль финансовую систему Гонконга с целью не допустить массированного оттока капитала из-за торговой войны, достигавшего значений в 1,6 млрд долларов/сутки²⁸, подрывная работа внешних сил приводит совсем не к тому результату,

²⁶ Гонконг: скандальный закон «умер» после встречи американцев с местным олигархом. [Электронный ресурс] // Накануне.RU. 2017. 9 июля. URL: <https://www.nakanune.ru/articles/115300/> (дата обращения: 15.07.2019).

²⁷ Протестующие в Гонконге используют для атак зонтики. [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2019. 14 сентября. URL: <https://ria.ru/20190914/1558691010.html> (дата обращения: 17.09.2019).

²⁸ 14 мая 2019 года чистый отток иностранного капитала с фондовых рынков Китая достиг 10,9 млрд. юаней (1,6 млрд. USD), что является максимальным значением с июля 2015 года, поскольку

на который рассчитывает Пекин. Одно дело взять Гонконг под контроль, а другое дело, когда он из-за искусственно индуцированной дестабилизации потеряет свой статус «ворот в Китай». Наряду с ударом от торговых войн и других потерь это может иметь катастрофические последствия для КНР.

Здесь же проявляется и еще один поражающий фактор применяемой против Китая технологии неклассической войны. Гонконг выступает в роли оффшорной территории для китайской «красной аристократии», а значит, его ликвидация наносит удар по ряду кланов внутри КПК, что дополнительно обострит существующие противоречия в высшем эшелоне китайской власти, учитывая недовольство некоторых ее представителей возможным неограниченным сроком правления Си Цзиньпина и заместителя председателя КНР Ван Цишаня²⁹. Следовательно, подобный удар может и должен считаться каскадным уроном по Китаю. Смысл его ясен: через инициацию раскола внутри КПК США пытаются создать еще одну точку давления на Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК (высший орган власти в КНР), чтобы вынудить его и лично Си Цзиньпина заключить новое торговое соглашение на условиях Д. Трампа. К слову, сообщение о том, что США все же отложили введение новых пошлин³⁰ до декабря 2019 года, говорит о выбранной ими выжидательной позиции. Штаты анализируют и оценивают эффекты воздействия на Китай через уже ранее введенные пошлины, санкции в отношении китайских телекоммуникационных гигантов и, наконец, активацию бунтов в Гонконге. Следовательно, в зависимости от того, продолжит Пекин сопротивление или нет, в Вашингтоне примут решение о том, наращивать давление или остановиться, если посчитают, что китайцы стали сговорчивее.

В сценарии продолжения демонстрации Китаем стойкости (а это наиболее вероятное поведение его руководства) американцы способны перейти к вышеописанной третьей фазе, т.е. к гонконгской проблеме вполне могут добавить дестабилизацию в других сложных регионах Китая (СУАР, Внутренняя Монголия и пр.) и/или найти новые уязвимости, например, в финансовой сфере. Такая схема «DDoS-революции» в совокупности с технологией торговых войн и подрыва проекта «Один пояс, один путь» рассчитана на достижение кумулятивно-синергетического эффекта с раз-

---

ку рынки упали на фоне продолжающейся торговой напряженности в стране (см. Chart of the Day: Overseas Investment Rises and Falls With the Mainland Stock Market. [online] // Caixin Global. 2019. 20 May. URL: <https://www.caixinglobal.com/2019-05-20/overseas-investment-rises-and-falls-with-the-mainland-stock-market-101417807.html> (дата обращения: 17.09.2019)).

²⁹ В Китае действует правило, согласно которому лица, достигшие возраста 67 лет, не могут занимать партийно-государственные посты. Кроме того, со времен Дэн Сяопина глава государства не мог занимать свой пост более двух пятилетних сроков. Однако после съезда Всекитайского собрания народных представителей в марте 2018 года Си Цзиньпин и Ван Цишань получили право занимать свои посты более двух сроков, т.е. и после 67 лет (сейчас Си Цзиньпину 66 лет, а Ван Цишаню 71 год).

³⁰ В августе 2019 года Д. Трамп объявил о готовности с 1 сентября увеличить пошлины с 10 до 15 процентов на товары из КНР стоимостью 300 млрд долларов США, но при этом введение пошлин на ряд товаров, в т.ч. электронику, было решено перенести на 15 декабря 2019 года.

рушительными последствиями для Китая. По сути, это неклассическое оружие массового поражения, поскольку урон от него не меньший, чем от ядерной бомбардировки, если к прямым экономическим потерям прибавить неизбежную социально-политическую дестабилизацию в масштабах всей страны. США проводят отработку новой технологии неклассической войны через генерацию и взаимоувязывание прямых и каскадных (вторичных и т.д.) поражающих факторов с созданием синергетического эффекта, работающих на одну цель — стратегическое ослабление Китая. Эволюционная схема ведущейся против него неклассической войны показана в таблице 1. Условно проведено разделение на пять фаз; две последние являются гипотетическими, наступление которых зависит от того, насколько устойчивой окажется властная и социально-экономическая система Китая на фоне комплексного прессинга США. На сентябрь 2019 года ситуация соответствует пока незавершенной III фазе.

Таблица 1

**Эволюционная схема неклассической войны,
развязанной США против Китая**

Фаза I	Фаза II	Фаза III	Фаза IV	Фаза V
Вначале осуществляется: подрывная работа против проекта «Один пояс, один путь»; вводятся торговые пошлины на китайские товары, стоимостью 60 млрд долларов США.	Добавляются: санкции против китайских высокотехнологических компаний и политически мотивированные аресты их руководителей; вводятся новые торговые пошлины на китайские товары еще на 200 млрд долларов США.	Добавляются: «внестоличный майдан» в Гонконге, чем дестабилизируется важная для Китая финансовая и оффшорная зона; запуск механизма раскола внутри КПК; вводятся новые торговые пошлины на китайские товары уже на 300 млрд долларов США.	Добавляются: технология «DDoS-революции» — гипотетической активации пространственно-разнесенных протестов и беспорядков в разных регионах Китая помимо Гонконга; наиболее уязвимы — СУАР, Внутренняя Монголия, Тибет и др.; усиление роли региональных чиновников с тенденцией к отделению от центра; возможное повышение пошлин выше 30 процентов на весь китайский экспорт в США (ориентировочно на 550-570 млрд долларов США); падение экономического роста Китая ниже 6 процентов в год и, как следствие, появление десятков миллионов безработных.	Возможные последствия: на фоне радикального замедления экономического роста, вызванного торговой войной, ударом по Гонконгу, торможения реализации проекта «Один пояс, один путь» вследствие дестабилизации в странах-транзитерах, входящих в данный проект, раскола внутри китайской партийной элиты, сепаратизации регионов, проявляющейся в виде масштабных беспорядков в разных частях страны, начинается распад и гражданская война с трудно прогнозируемыми последствиями.

Каждая из технологий (будь то торговая война, подрыв геоэкономических стратегических проектов или дестабилизация в китайских регионах) применяется не отдельно друг от друга. Все эти элементы являются составляющими неклассической войны, используемые США в одном комплексе, в единой системе против КНР. Они задействуются согласованно и взаимоувязанно по целям и задачам. Фактически наблюдается сопряжение (гибридизация) применения модифицированных версий «цветных» революций и технологии под названием «торговая война». По своему разрушительному эффекту они сопоставимы с прямой военной интервенцией с использованием оружия массового поражения.

Рост китайской экономики, жизненная необходимость Китая увеличивать свой военный потенциал, создавать военные базы вдоль маршрутов «Одного пояса, одного пути», а также нарастающее внутриэлитарное противостояние в США — все это создает стратегическую предопределенность в ухудшении взаимоотношений между Пекином и Вашингтоном. Тесная торгово-экономическая взаимозависимость, по всей видимости, будет сокращаться, а на смену ей придет неприкрытая враждебность. Наиболее вероятен подобный исход при сохранении контроля над Белым домом Д. Трампом или человеком со схожими убеждениями, представляющим те же силы, что и нынешний хозяин Овального кабинета.

* * *

В Севастополе впервые в России будет организована подготовка специалистов по информационным и гибридным войнам. А на базе Севастопольского государственного университета будут созданы центр мониторинга гибридных угроз и полигон по испытанию технологий информационных войн.

Внешнеполитические соперники России (США, Великобритания и др.) давно уже выстроили глубоко эшелонированную систему международных неправительственных организаций (НПО), которая сегодня развивается в системный дистанционный механизм нападения, а в определенных случаях и в дистанционную систему управления суверенными территориями. Эффективно апробированы всевозможные механизмы, начиная от дистанционного информационного терроризма, информационных диверсий, дистанционно управляемых механизмов саботажа до ресурсно-обеспеченных программ поддержки и раскручивания агентов влияния. И со всем этим необходимо бороться.

В современной России принято «отбивать» информационные операции и атаки либо троллингом отдельных пресс-секретарей и официальных представителей, либо подключением к решению возникших проблем различных ведомственных ситуационных центров (СЦ). И то, и другое — неэффективно. В том случае, если СЦ мгновенно и эффективно реагирует на угрозы, — это выглядит внешне красиво, но не в случае, когда у противника уже выстроена многоуровневая система нападения и соответствующие механизмы

информационного продвижения и поддержки своих идей, ценностей и идеологических посылов. В лучшем случае СЦ будут фиксировать события и пытаться минимизировать последствия, а в информационной плоскости — только оправдываться, причем, по факту и с опозданием. А ведь системы дистанционного воздействия быстро совершенствуются и модернизируются. Именно поэтому необходим качественный переход от системы постсобытийного реагирования к системам опережающего моделирования событий (как внутри, так и вне), с целью навязывания своей повестки дня (сценариев моделируемых событий), а это возможно только благодаря подготовке кадров принципиально нового уровня.

Система подготовки кадров в данной области должна основываться на современных образовательных технологиях в сфере противодействия информационным, гибридным и торговым войнам. Выпускники такой программы будут способны эффективно бороться со всем спектром современных неклассических войн, включая операции информационной войны, торговой «войны», «цветные» революции, гибридные войны, противодействовать специальным операциям в сфере дипломатии (дипломатической «войне»), обладать навыками эффективной коммуникации, необходимой профессиональным переговорщикам, включая невербальные и «глазные» ключи доступа. Стратегия и тактика противодействия гибридным конфликтам, должна быть основана на своевременном распознавании признаков подготовки специальных операций и организации превентивного воздействия на противника (в том числе, в форме контропераций и активных мероприятий на каналах открытых информационно-телекоммуникационных сетей), способных сорвать его планы и обеспечить «разрыв программы».

В программу подготовки специалистов должны входить такие дисциплины, как стратегия и тактика ведения переговоров, технологии информационных «войн» и психологических операций, гибридные войны и конфликты, операции торговой «войны», технологии «цветных» революций, технологии эффективной коммуникации и НЛП, внешнеполитическая стратегия и дипломатия и др. Технологии информационных войн должны раскрываться на базе вскрытой еще в 2016 году стандартной схемы информационной операции США [20] и демонстрации ее работы на примерах таких специальных операций ЦРУ и МИ-6, как «Дело Скрипалей», «Панамское досье», «Дело Марии Бутиной», «Допинговый скандал», «Выборы главы Интерпола» и т.п. Гибридизация технологий «цветных» революций могут рассматриваться на примере организации государственного переворота нового типа в Венесуэле. В интересах эффективной реализации программы подготовки специалистов по противодействию операциям информационной, гибридной и торговой войны также необходимо создание исследовательско-экспериментальной базы в составе центра мониторинга и раннего предупреждения информационных угроз, исследовательско-испытательного полигона по изучению технологий информационных войн в лабораторных условиях и ситуаци-

онного центра, способного выявлять и обрабатывать угрозы, связанные с торговыми войнами.

* * *

Проведенный анализ показывает, что у всех современных типов неклассической агрессии есть фундаментальные *общие признаки*, на основании которых оказалось возможным сформулировать три закона. В этом состоит ключевое отличие представленного подхода от других, в которых демонстрировались попытки формулировать законы для гибридных войн и т.п. через один или несколько второстепенных признаков, придавая им якобы универсальный характер. Например, по мнению отдельных авторов, закон можно вывести, отталкиваясь от целеполагания агрессора. В качестве ключевого признака приводится стремление агрессора разрушить транснациональные соединительные проекты (в частности, китайский «Один пояс, один путь») через инспирирование конфликтов в пределах транзитного государства, входящего в проект. Однако совершенно очевидна логическая и методологическая ошибка данного подхода. Цели агрессора могут быть самыми разными, и они не определяют свойства неклассической войны нового типа. Это равносильно суждению о средстве передвижения и его устройстве, исходя только из знания конечного пункта назначения его обладателя. Более того, подобные подходы не объясняют, в чем состоит принципиальное отличие неклассической войны от прямой интервенции. Целеполагание, безусловно, важно, но знание конечной цели в данном случае не в состоянии дать ответ на вопрос о том, каким образом она может быть достигнута. Эволюционный скачок от доминирования линейного, механицистского и платформенного подхода в стратегии, войне и т.д., к представлению о международных отношениях как о динамическом хаосе, системе, переходящей от одних метасостояний к другим, был обусловлен иными причинами. Практическое применение теории хаоса в совокупности с имевшимися наработками в области т.н. «ненасильственных методов»³¹ и других технологий демонтажа политических режимов, вместе с революцией в области ИКТ, сетевых технологий и разработками рефлексивного управления позволили достичь принципиально нового уровня синергии от применения компонентов неклассической войны с результатом, сравнимым от прямого полномасштабного военного вторжения.

Теоретическое обоснование возникновения комплекса парадигм, концепций и технологий современных типов неклассической войны лежит в основе сформулированных в данной статье трех законов, объясняющих их механизм.

---

³¹ Sharp. G. From Dictatorship to Democracy. A Conceptual Framework for Liberation. The Albert Einstein Institution. Fourth U.S. Edition. [online]. 2010. May. URL: <https://www.aeinstein.org/wp-content/uploads/2013/09/FDTD.pdf> (date of access: 07.09.2019).

Его системность и всеобщий характер позволяют сделать вывод не просто о едином генезисе явлений, объясняемых всем множеством существующих терминов, но и создать единую систему классификации для них на основе раскрытых фундаментальных признаков. В этом и состояла первоочередная задача, которую ставили перед собой авторы в данной работе. Возможно, представленное исследование ляжет в основу общепризнанной системы описания, благодаря которой внутри экспертного и военно-политического сообществ будет достигнута согласованность, общение на одном «языке», и, наконец, преодолена терминологическая разрозненность вместе с принципиальными расхождениями в вопросах природы явлений, затронутых в настоящей статье.

В торговой войне для США Китай выступает не только как противник, волю которого надо подчинить, но и как полигон для отработки новых форм, способов и методов ведения неклассической (конкретней — гибридной) войны, основанной на применении инструментов дипломатии и санкционного давления. Все эти способы сегодня чисто эмпирически находятся американскими политтехнологами и проходят «тестовые испытания» (оттачиваются) в конфликте с Китаем. Пройдя тестовую обкатку на серьезном китайском сопернике, лучшие и наиболее эффективные способы и методы торговой войны затем обязательно будут американцами объединены в рамках одной или нескольких технологий гибридной войны, которые по своему характеру уже станут универсальными и применимыми не только к Китаю, но и к другим странам, — как современные технологии «цветных» революций. В этом виде — в виде технологий торговой войны — эти технологии придут в Россию, как только и если США окончательно додавят Китай. Это может произойти в самом ближайшем будущем.

Без создания *адекватных структур противодействия* современным технологиям неклассической войны Россия останется уязвимой к различного рода враждебным атакам и целым комплексным операциям по системной дестабилизации социально-политической и экономической обстановки, противостоять которым крайне сложно даже при наличии серьезных ресурсов. Аналогичная ситуация обстоит и с политическим руководством России; практика показала отсутствие эффективного механизма отражения информационных атак и операций, которые почти беспрепятственно взламывают существующие неэффективные защитные рубежи и доходят до первых лиц государства. Поэтому необходима эшелонированная система обороны и контропераций в информационно-психологической сфере. Для этого требуются как высокопрофессиональные специалисты, так и соответствующие организации. Полагаем, Информационный полигон и Центр мониторинга информационных операций могут стать основой такой комплексной защиты. Более того, потенциально на базе этих структур

возможно создание специального органа, который бы осуществлял координационную деятельность с организациями ряда других стран-участниц ОДКБ, ШОС, ЕАЭС, выполняющие схожие функции, и/или способствовать их формированию с использованием собственного опыта. На сегодняшний день интеллектуальная база в России позволяет решить задачу наполнения кадрами высокой квалификации подобную структуру, но для ее создания требуется политическая воля.

Список литературы

1. Петров М.Н. Механизмы государственных переворотов: историко-теоретическое исследование. Минск: Харвест. М.: АСТ. 2005. 397 с.
2. Пономарева Е.Г. Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов. [Часть 3] // Свободная мысль. 2012. № 5–6. С. 38–47.
3. Kara-Murza S.G. Export of Revolution: Saakashvili, Yushchenko... M. Algorithm. 2005. 528 p.
4. Най Дж. С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. Пер. [с англ.] В.И. Супруна. Новосибирск; Москва. Фонд социо-прогност. исслед. «Тренды». 2014. 221 с.
5. Bachmann S.D., Gunneriusson H. Hybrid Wars: The 21st-Century's New Threats to Global Peace and Security // *Scientia Militaria, South African Journal of Military Studies*. 2015. Vol. 43. No. 1. P. 77–98.
6. Finkel E. & Brudny Y.M. Russia and the colour revolutions. *Journal Democratization* // *Reassessing Coloured Revolutions and authoritarian reactions*. 2012. Vol. 19. Issue 1. P. 15–36.
7. Клаузевиц К. О войне. Москва: Эксмо; Санкт-Петербург: Мидгард, 2007. 864 с.
8. Моисеев А.И. Проблема определения терроризма в международном праве // *Актуальные проблемы российского права*. 2014. № 12 (49). С. 2919–2923.
9. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения. 1998. 256 с.
10. Mann S. *Chaos Theory and Strategic Thought* // *Parameters (US Army War College Quarterly)*. 1992. Vol. XXII. P. 54–68.
11. Bak P. and Chen K. Self-Organized Criticality // *Scientific American*. 1991. 264 (1). P. 46–53.
12. Арзуманян Р.В. Кромка хаоса. Сложное мышление и сеть: парадигма нелинейности и среда безопасности XXI века. М.: Издательский дом «Регнум», 2012. 600 с.
13. Арзуманян Р.В. Теория и принципы сетцентричных войн и операций // «21-й ВЕК». 2008. № 2 (8). С. 66–124.
14. Эстулин Д. Тавистокский институт. Минск: Издательство «Попурри», 2014. 368 с.

15. Манойло А.В. «Цветные» революции и технологии демонтажа политических режимов // *NB: Международные отношения*. 2015. № 1. С. 1–19.
16. Месснер Е.Э. Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера. М.: Военный университет; Русский путь, 2005. 696 с.
17. Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего. Концептуальные основы и практические выводы. М.: Издательство «Кучково поле», 2016. 83 с.
18. Стригунов К.С. Организационное оружие. Возможные меры противодействия // Сборник докладов международной научной конференции «Долгосрочное прогнозирование международных отношений в интересах национальной безопасности России». Центр военно-политических исследований МГИМО (У) МИД России. 2016. С. 88–97.
19. Стригунов К.С. Наркокартели и системно-сетевая война на примере стран Латиноамериканского региона // *Национальная безопасность/notabene*. 2018. № 4. С. 43–56.
20. Манойло А.В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. М.: Горячая линия — Телеком, 2018. 480 с.